

БРИТВА ОККАМА И АКСИОМАТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОПЫТА. ПРОБЛЕМА СОКРАЩЕНИЯ/УМНОЖЕНИЯ СУЩНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Михаил Эпштейн

Университет Эмори, США

В статье рассматривается принцип экономии мышления и сокращения сущностей («бритва Оккама») в контексте современных научных и философских теорий. Вводится понятие «оккамово число» – соотношение числа сущностей к числу описываемых ими предметов, как языковая проблема соотношения кода и текстов и их соотносительной длины. Обосновывается принцип сокращения длины текстов за счет увеличения кода (словаря); при этом не сокращение, а умножение сущностей оказывается способом экономии мышления. Разумный предел такого умножения задается числом знаков естественного языка, поскольку в них выражена аксиоматика человеческого опыта. Рассматриваются редукционистская тенденция в естественнонаучной методологии (Ф. Крик) и противостоящие ей коррелятивистский (Ф. Коллинс) и эмерджентный (Г. Лиси) подходы. Обсуждается позиция идеалистического монизма (Б. Каструп) и предлагается альтернативная ей позиция *дуомонизма* – двуединства материального и ментального, которые проявляются только одно внутри другого, так что их инверсия, взаимобратимость составляет первореальность *уни-версума* как «единовращения». Нынешний этап цивилизации определяется активностью именно ментального, поскольку научно-технический прогресс обеспечивает потенциальную воспроизводимость материальных явлений и предоставляет приоритетный статус нередуцируемой реальности субъективному опыту. В аксиоматику человеческого опыта входит его адресность, *интерсубъективность*, в связи с чем проблема умножаемых *сущностей* переходит в проблему множественных *существ*, субъектов со-знания, т.е. соразделяемого опыта.

Ключевые слова: бритва Оккама, эмерджентность, идеалистический монизм, дуомонизм, интерсубъективность.

This article discusses the principle of economy of thought and reduction of essences (“Occam’s razor”) in the context of contemporary scientific and philosophical theories. I. Kant’s skeptical attitude towards this principle and the necessity he stressed for the specification of essences anticipate the latest cybernetic approach to the almost infinite information capacity of each entity. The article introduces the concept of “Occam’s number” – the ratio of the number of essences to the number of entities they describe, as a language problem of the relationship of code and text and their relative length. The principle of reducing the length of texts by increasing the vocabulary (code) demonstrates that the limited proliferation of essences rather than their reduction is a way to the economy of thought. The rational limit of such proliferation is set by the number of signs of natural language as they express the axioms of human experience. The article considers the correlativistic (F. Collins) and emergent (G. Lisi) approaches that challenge the reductionist tendency in the natural science methodology (F. Crick). In contrast to B. Kastrop’s idealistic monism, the position of *duomonism* (or uni-duality) is proposed: the duality of the mental and the material that manifest themselves only one within the other, so that their inversion, mutual reciprocity is the primary reality of the uni-verse (“turning around one”). The current stage of civilization is dominated by the activity of the mental, because the advance of science and technology makes all material entities reproducible (simulacra) and gives priority to the irreducible reality of the subjective experience. The axiomatics of human experience includes its *intersubjectivity*, thus the problem of multiple essences turns into the problem of multiple beings, the agents of *con-sciousness* as shared experience.

Keywords: Occam’s razor, emergence, idealistic monism, duomonism, intersubjectivity.

Сохраняет ли силу и в наше время методологический принцип, известный со времен средневековой схоластики и условно именуемый «бритвой Оккама»? Не ведет ли он к редукционизму, к господству естественнонаучного материализма – и какие доводы против него выдвигает современная философия?

Обоюдоострая бритва Оккама

«Бритва Оккама» – известный принцип экономии мышления, который формулируется так: «Сущности не следует умножать сверх необходимости»¹. Если какое-либо явление можно объяснить одной или несколькими причинами, то следует предпочесть самое простое объяснение. Сведение многого к одному, сложного к простому – вот самый надежный путь к истине. На этом основании, например, Лаплас на вопрос Наполеона, почему в его системе мира ни разу не упомянут Бог, ответил, что он не нуждается в этой гипотезе. «Бог» – та «излишняя» сущность, которая не требуется для объяснения физических или астрономических явлений, выводимых из естественных причин.

Но полезно вспомнить, что для самого Оккама и других средневековых мыслителей «бритва» как раз служила инструментом «отрезания» всех других сущностей, кроме Бога. Зачем нужны специфические причины для объяснения тех или иных явлений, если все они могут быть выведены из воли и промысла Бога? Единственной необходимой перво-сущностью и был Бог, а все остальное в мироздании полностью производно от нее. И если впоследствии, с развитием эмпирической науки, принцип «экономии мышления» стал обращаться против сверхъестественных сущностей, то не следует ли критически отнестись к самому этому принципу? Ведь «бритва» Оккама – обоюдоострая и при объяснении мира может отрезать и объявлять излишним как Бога, так и всё, кроме Бога.

На разных этапах развития науки бритва Оккама, выпрямляя логику доказательства, в то же время вела к *редукционизму*. Например, велик соблазн свести биологические явления к физическим и химическим, т.е. сократить «живое» как самостоятельную сущность, редуцировать организм к тем же законам, что управляют неорганической природой.

В «Критике чистого разума» Иммануил Кант скептически отзывается о презумпции сокращения сущностей до единого: «Тем самым утверждается, что сама природа вещей дает материал для достигаемого разумом единства... Хотя это единство есть только идея, его всегда искали столь ревностно, что есть больше оснований сдерживать эту страсть, чем поощрять ее» [7, с. 502].

---

¹ «*Non sunt multiplicanda entia sine necessitate*». У самого английского философа и монаха Уильяма Оккама (1285–1347) встречается несколько другая формулировка: «Множество не следует утверждать без необходимости». Нынешняя появилась значительно позднее, в XVII в.

Сам Кант утверждает: «Entium varietates non temere esse minuendas» («Многообразие существей не следует опрометчиво сокращать», или «Различие между существями не следует необдуманно уменьшать»). Кант выступает за принцип потенциально бесконечной спецификации, т.е. перехода от родов к видам и далее подвидам и все более мелким рядам явлений. «Познание явлений в их полном определении... требует безостановочно продолжающейся спецификации наших понятий и продвижения к все еще остающимся различиям, от которых видовое понятие и еще в большей мере родовое понятие отвлекаются».

Однако кантовская критика Оккамовой бритвы мне представляется ограниченной. Предлагаемая последовательную спецификацию явлений, Кант не настаивает на ее необратимом характере. Если свести все соли к двум видам, кислым и щелочным (его собственный пример), то позволительно ли сущность кислого и щелочного свести обратно к общей сущности соли? Или «кислотность» и «щелочность» суть самостоятельные, хотя и соотносимые сущности? Иными словами, сокращает ли их бритва Оккама, приводя к единую сущность соли или даже к единую сущность соли и земли, а дальше – к единую сущность всей физической материи? Очевидно, что Кант не одобряет подобной редукции, но и решительных доводов против генерализации не приводит, лишь предлагая дополнять ее спецификацией.

Мне представляется, что между сущностями разных уровней: рода, видов, подвидов и т.д. нет полной сводимости ни в ту, ни в другую сторону. Общее несводимо к своим разновидностям, а разновидности – к общему. Индивиды несводимы к универсалиям, а универсалии – к индивидам. После выхода моей книги «Философия возможного» (2001), где выдвинут этот принцип взаимной несводимости [15, с. 126–137; 2, с. 117–129], он получил название «щетины Эпштейна» – как образная антитеза «бритве Оккама», как утверждение многосущности бытия. Принцип гласит: «сущности можно умножать по мере необходимости». Не сверх, но по мере. Но чем определяется эта мера?

Оккамово число. Код и тексты

Обычно считается, что существей должно быть намного меньше, чем явлений, поскольку в этом и состоит необходимость познания – объяснения одного другим. Но возьмем такой наглядный предмет, как яблоко, – есть ли у него своя особая сущность, которая присутствует в огромном множестве предметов, именуемых «яблоками», и выделяет их в более общей категории «фрукты»?

По мысли Сета Ллойда, профессора механики Массачусеттского технологического института и научного руководителя Исследовательской лаборатории электроники, информационная насыщенность яблока чрезвычайно велика. «Вселенная, в сущности, является гигантским компьютером, в котором каждый атом и каждая элементарная частица содержат биты информации... Битов в яблоке всего в несколько раз больше, чем атомов, – несколько миллионов миллиардов миллиардов нулей и еди-

ниц» [8, с. 7, 10]¹. В свете современной теории информации трудно говорить о том, что некий индивидуальный объект можно без остатка свести к некоей «родовой» сущности, например яблоко – к общей сущности плодов. В конце концов, каждая вещь вполне объяснима только из нее самой и в этом смысле представляет собой особую, ни к чему несводимую сущность. Ошибочность редукционизма особенно наглядна сейчас, когда явления открываются нам во всей своей информационной сложности.

Принцип экономии мышления гласит: простое и краткое описание следует предпочесть длинному и сложному. Но можно ли описать яблоко, как единицу человеческого опыта, проще и короче, чем словом «яблоко»?

Введем условно такой параметр: *Оккамово число* – число универсалий, деленное на число индивидов (реалий), которые ими описываются. Чем меньше Оккамово число, тем меньше сущностей, необходимых для объяснения вещей, и тем экономнее язык их описания. Наименьшее Оккамово число возникает при делении единицы на бесконечность, если для объяснения всего бесконечного множества явлений используется одна сущность, полагать ли ее Богом или материей. Наибольшее Оккамово число – это когда для объяснения определенного множества явлений используется равное ему множество сущностей. Не исключено и дальнейшее возрастание этого числа, если для объяснения одного явления используется множество сущностей. Такая игра множащихся интерпретаций при истолковании одного слова или текста входит в методологию гуманитарных наук как предпосылка экзегетики и герменевтики.

На языке теории информации Оккамово число – это соотношение знаков кода и длины описания. Обычно, чем больше знаков в коде, тем короче описание, и наоборот, чем проще код, тем сложнее описание тех же самых вещей. Например, если в коде есть только общие понятия, типа «растения», «животные», то описание яблока становится очень длинным, поскольку приходится вводить все характеристики, отличающие его не только от других плодов, но и от других явлений растительного царства. Если же свести описание к минимуму, например, к понятию «яблока», то, наоборот, код станет очень длинным, включая названия всех растений, плодов...

Вопрос в том, на каком уровне лучше экономить, т.е. уменьшать Оккамово число: на уровне кода или дескрипций? Есть разные подходы. Я предпочитаю увеличивать словарь (код), чтобы уменьшать длину описания. Но тогда возрастает число терминов и их дефиниций в словаре. Что выгоднее, «оккамнее»: минимализация или максимализация словаря и, соответственно, максимализация или минимизация текстов?

---

¹ Ллойд, по сути, подтверждает известное суждение Демокрита, что сущность вещи неотделима от самой вещи и производна от тех атомов, из которых она составлена. По Аристотелю, «Демокрит считает природой вечного малые сущности, бесконечные по числу» [5, с. 75].

Словарь (код) – лишь один из множества текстов, на которых описывается многообразие мировых явлений, в том числе «яблоко». Текстов-описаний – огромное множество, а метатекст, код, словарь, на основе которого производится все это множество описаний, – только один. Поэтому в принципе выгоднее, экономнее увеличивать длину этого метатекста, словаря, т.е. *до разумного предела* множить число сущностей, что позволяет сократить огромное число текстов, повторяющих те же дефиниции при описании тех же объектов. Бритва Оккама – это принцип не экономии, а напротив, расточительства, поскольку, утверждая лишь одну сущность (Бога, материю или какую-либо другую), она предполагает бесконечно длинные описания конкретных явлений. Поэтому для мышления выгоднее увеличивать число знаков кода, попутно снижая длину множества текстов. Например, введя в код понятие «яблоко», мы с его помощью описываем множество яблок, экономя на определении этого термина внутри каждого текста. Так с целью упрощения текстов усложняется код.

Но до разумного предела. Чем же он определяется? Я полагаю, что объемом естественного языка – во всяком случае, для философии и вообще гуманитарных наук. Естественный язык, во всей совокупности своих знаков (слов, понятий), выработанных естественным *разумом* человечества, – это и есть *разумный* предел того словаря (кода), которым может оперировать гуманистика¹. Не больше, но и не меньше. Не обязательно расширять этот словарь введением десятков тысяч специальных терминов, скажем, из ботаники или астрономии. Но и не следует сокращать этот словарь до самых общих категорий, таких как «материя», «идея», «форма», «единство», «противоречие»... Слово «яблоко» вполне легитимно входит в философский код, в разряд сущностей, которыми оперируют гуманитарные науки, поскольку само человечество в коллективном акте мышления выделило этот предмет и наделило его особым знаком в языке².

Можно также представить *подвижную шкалу*, на которой Оккамово число меняется в зависимости от избранной рамки объяснения (фрейма): то заостряется бритва, то отращивается щетина. Можно избирательно «выстригать», сущностно сокращать определенные области бытия, например те, что изучаются физикой, а другие предоставлять плюралистическому росту, например те, что рассматриваются гуманитарными науками. Если продолжить метафору «бритва Оккама», то позволительно говорить о философии как о «парикмахерском» искусстве. Разные «прически» – разные модели мироздания: от «стрижки наголо» до «буйных кудрей». Одна из задач философии – исследовать применимость подвижной Оккамовой шкалы к разным областям бытия и дискурсивным стратегиям.

---

¹ О значении естественного языка и частотного словаря в формировании философских категорий см.: «Предлог “в” как понятие. Частотный словарь и философская картина мира» [11, с. 228–253].

² См. подр.: «Личный код. Индивиды и универсалии в гуманитарных науках» [14, с. 429–443].

Редукция и эмерджентность

Сказанное выше о бритве Оккама имеет прямое отношение к центральным философским вопросам современности. Какова природа первичной реальности и годится ли естественный язык для ее описания?

С прогрессом биохимии и нейропсихологии за последние десятилетия усилилась уже доминирующая с середины XIX века тенденция объяснять душевные состояния человека воздействием химических веществ. Нобелевский лауреат биохимик Фрэнсис Крик, сооткрыватель (с Дж. Уотсоном) двойной спирали ДНК, так начал свою книгу «Паразитальная гипотеза: Научный поиск души»: «Паразитальная Гипотеза состоит в том, что “Вы”, ваши радости и печали, ваша память и устремления, ваше чувство собственной личности и свободной воли, – все это фактически не более чем способ действия обширного собрания нервных клеток и их ассоциированных молекул. Как сказала бы Алиса у Льюиса Кэрролла, “Вы не что иное, как пачка нейронов”» [1, с. 3].

Иными словами, вся этика и психология, все, что мы называем душой и духом, гармонией и гением, отрезается от реальности бритвой Оккама и выступает лишь как эманация нейронов, субъективное переживание химической и физической реальности. Ф. Крик противопоставляет свою научную теорию души как «пачки нейронов» и даже «электронных проводящих путей» религиозному и психологическому ее пониманию. Книга завершается критикой строки из Псалмов: «Славлю Тебя, потому что я дивно устроен» (Пс. 138:14) – биохимик полагает, что псалмопевец «имел только косвенный взгляд на тонкую и изощренную природу нашего молекулярного устройства».

Френсис Коллинз (*Francis Collins*) – американский генетик, ставший известным как руководитель проекта по расшифровке человеческого генома, но при этом открыто исповедующий свои религиозные взгляды, – так ответил на вопросы журналиста Джона Хоргана:

«Хорган: Что вы думаете о нейротеологии, которая пытается идентифицировать нейронную основу религиозных переживаний?»

Коллинз: Я думаю, что это увлекательно, но не особенно удивительно. Мы, люди, состоим из плоти и крови. Поэтому меня не обеспокоило бы, если бы при переживании какого-то мистического опыта обнаружилось, что моя височная доля была возбуждена. Это не означает, что подлинное духовное здесь отсутствует. Те, кто подходит к этому вопросу с презумпцией, что нет ничего вне естественного мира, посмотрят на эти данные и скажут: “Ну вот, видите?” А те, кто считает людей духовными созданиями, скажут: “Круто! У этого мистического опыта есть корреляция в природе! Разве не так?!”» [9]

Это одна линия аргумента: если у психических состояний есть мозговые, физические корреляты, то это означает, что у физических процессов могут быть какие-то неизвестные нам психические предпосылки – точнее, известные, но лишь по нашему внутреннему опыту.

Возможна и другая линия аргументации. «Души нет», есть только нейроны. Ну а плоть есть? Если рассматривать плоть в электронный микроскоп, добираясь до отдельных молекул и атомов, то ничего осязаемого, плотского вообще в природе не обнаружится. Есть только частицы, волны,

кванты, вероятности, импульсы, в которых не остается ничего, порождающего желание, любовь, восхищение. «Плотское» – это свойство определенных молекулярно-клеточных скоплений взаимодействовать с другими молекулярно-клеточными скоплениями на определенном уровне их физико-биологической организации. «Плоть» – условное словесное допущение, которым мы обмениваемся, чтобы понимать и чувствовать друг друга, ибо оно соответствует нашему опыту живых существ, наделенных особым полем восприятия. В этом человеческом диапазоне и образуются понятия «плоти» и «души»; здесь они такая же *реальность*, как молекулы и атомы в поле наблюдения микроскопа или синхрофазотрона.

Понятие эмерджентности, введенное в философию Дж. Г. Льюисом в 1875 г. в книге «Проблемы жизни и духа» и далее развитое в философии процесса у А. Н. Уайтхеда и С. Александера, представляется самым радикальным вызовом редукционизму и вообще «бритвенному» мышлению. Приведу суждение известного американского теоретического физика Гаррета Лиси, автора «Исключительно простой теории всего», о том, что верхние уровни бытия человека несводимы к физическим и химическим элементам природы, даже если возникли из них посредством самоорганизации. Английский термин «emergence», весьма значимый в философии и науке, означает возникновение новых свойств при переходе с одного на другой уровень бытия.

«Мы знаем, что волшебство жизни происходит от возникновения новых свойств (emergence). Только невероятно большое количество взаимодействий делает эту магию возможной. Описывать романтическую любовь как одновременный взаимный укол и вливание окситоцина – значит вульгаризировать согласованный танец огромного числа молекул, которых больше, чем звезд в наблюдаемой вселенной. Числа находятся за пределами астрономических. В каждой клетке человека содержится около 100 триллионов атомов, и около 100 триллионов клеток – в каждом человеке. Число возможных взаимодействий экспоненциально возрастает с числом атомов. Именно эмерджентные (emergent) качества этого огромного космоса взаимодействующих сущностей делают нас тем, кто мы есть... Таковы триумф и трагедия нашего самого древнего и мощного метода науки: анализа – понимания вещи как суммы ее частей и их действий. Мы изучили и извлекли пользу из этого метода, но мы также узнали его пределы. Когда количество частей становится огромным, например у атомов, составляющих человека, анализ практически бесполезен для понимания системы, даже если система возникает (emerge) из своих частей и их взаимодействий. Мы можем эффективнее понимать сущность, используя принципы, выведенные из экспериментов на уровне ее собственного или ближайшего масштаба, на ее собственном уровне» [4, с. 21–22].

Эмерджентность – это возникновение новых сущностей, несводимых к тому, из чего они возникли¹. Это означает, в частности, что феномен любви более точно описывается не с нижних уровней – физических, хи-

---

¹ Переход от редукционистского к эмерджентному подходу рассматривается на материале аналитической философии и ее конвертации в философию синтеза в моей статье «От анализа к синтезу. О призвании философии в XXI веке» [12].

мических, клеточных, нейронных, а в ряду феноменов того же уровня: нежность, вдохновение, желание, соблазн, ревность... Или даже в контексте более высокого уровня эмерджентности: платоническая любовь, Афродита Урания, любовь человека к Богу и Бога к человеку...

Человеческая реальность и естественный язык

Как известно, даже свойство такого простейшего химического соединения, как вода, не определяются свойствами входящих в него молекул водорода и кислорода. Тем более душевные состояния, не фиксируемые приборами, но воспринимаемые во внутреннем опыте человека, несводимы к химическим веществам: фенилэтиленамину, окситоцину и пр., наблюдение за которыми в микроскоп или описание которых формулами их молекулярного состава не имеет ни малейшего сходства с той любовью, которую мы переживаем. Конечно, в результате обработки данных о триллионах химических взаимодействий, возможно, и удастся составить информационную карту некоего мгновенного всплеска эмоций у любящего. Но одно слово «любовь», знак естественного языка, дает гораздо более краткое и точное обозначение этого феномена, чем петабайты цифровой информации. Преимущество естественного, «аналогового» языка не только в его краткости по сравнению с триллионными рядами цифр, но и в том, что он уникально точен при обозначении тех состояний, которые переживаются субъектом и мгновенно узнаются им как свои, как первичные аксиомы опыта.

Ни о душе, ни о плоти нельзя говорить точнее, чем говорит наш человеческий язык, поскольку для языка химических или математических формул их просто не существует. Точно так же лицо человека исчезает, если рассматривать его в микроскоп. Видны крупные поры, шелушинки кожи, потом, при резком увеличении, какие-то орнаменты, структура тканей, а дальше клетки, молекулы, атомы... Но лица уже нет. Как же мы способны воспринимать человеческую личность, ее красоту, обаяние, если даже лицо – только иллюзия? На самом деле, то, что составляет человеческий мир и обозначается словами «лицо», «плоть», «душа», «личность», «красота», «любовь», – это и есть первичная, соразмерная человеку реальность. А реальность, которую мы рассматриваем в микроскоп или телескоп и описываем языком точных наук, вторична по отношению к человеку и его «неточному» языку. Конечно, нас искушает представление о том, что микроскоп знает истину лучше, чем человеческий глаз. Но ведь и микроскоп создан человеком для человеческого глаза, он тоже гуманитарный прибор по своим истокам и параметрам, хотя в нем человеческое и выходит за границы себя, что тоже в высшей степени человечно.

Таков ответ самого языка на вопрос, какая *реальность* первична: человеческая или микроскопная, телескопная, орудийная, сотворенная нами самими? Реальность самого человека не исключает других полей восприятия (микро-, мега-), напротив, сама их технически учреждает. Но *человеческая реальность* остается общим знаменателем всех этих полей, созданных на ее основе и расходящихся в пространства микромира и мегамира. И как бы ни декодировались и ни критиковались расплыв-

чатые понятия «плоть» и «душа» в других дисциплинарных языках, они остаются полнозначными и неделимыми в том первичном языке, на котором выражается наша человечность. Мы так же не можем выйти за реальность этого языка, как не можем сами себя родить. Мы можем творить – но *не себя*, а лишь *из себя*, то есть исходя из своей, уже сотворенной, человеческой данности.

Аксиоматика опыта. Возвращение к первоначалу

Все научные исследования объективной реальности в конце концов опираются в самого исследующего субъекта, его оптику, психику, призмы и горизонты восприятия – не в индивида, а в человечество как интегрального субъекта. Об этом предупреждал, опираясь на парадоксы новейшей физики, еще П. Валери в эссе «Наша судьба и литература» (1937): «– Нужно предвидеть, – говорил я им [физикам], – что в самое ближайшее время вам придется заняться исследованиями чувствительности и органов чувств. Именно здесь кроются ваши главные приборы. Все измерения, которые осуществляете вы, физики, выявляют осязание, зрение, мускульное чувство... Промежуточные посредники бесконечно удаляют вас от крохотного луча, в котором все эти чувства с чем-то соединяются. Вы начали с того, что вообразили себе то, что, как вам кажется, существовало ниже уровня чувств, по образу того, что ими воспринимается; но теперь вы достигли допустимого предела этих образов и аналогий. Нужно вернуться к первоначалу, к этим так малоизученным чувствам, с помощью которых мы познаем окружающее» [6, с. 263].

Валери, по сути, говорит об *аксиоматике человеческого опыта*, которая предшествует всем теоретическим аксиомам. Новая в эпоху Валери квантовая физика, дойдя до пределов в изучении материального микромира, сама потребовала «вернуться к первоначалу» – к наблюдателю, к органам чувств как к главным приборам. И если гуманитарные науки выражают интерес человека к самому себе, то это не знак видового эгоизма или нарциссизма, а единственно надежная предпосылка всех других способов научного познания. Мы такие, какие есть, и такими вынуждены принимать себя на веру. «Я» – это аксиома нашего опыта, которая лежит в основании любых теорем научного знания. Мы даны себе как условие всяких дальнейших экспериментов, которые проводятся человеком на основе данных ему способов восприятия и мышления. Даже если мы глядим в микроскоп или телескоп, мы не можем «выпрыгнуть» из своих зрачков, из своих нервов, из своего мозга. Эта *аксиоматика опыта* и есть исходный акт любого научного познания: признание себя, познающего, отправной точкой всех дальнейших исследований.

По мысли современного голландского философа и компьютерного инженера Бернардо Каструпа, самая экономная онтология из всех возможных – это идеализм [3]. Материализм, отдающий первенство материи, – это вторичная, искусственная конструкция, не отвечающая принципу экономии (*parsimony*) мышления, которое всегда и повсюду должно опираться прежде всего на свои собственные данные, на реальность самого сознания. Мы не знаем того, что называем «материей», мы только строим косвенные предположения о некоей субстанции, лежащей в основе наблю-

даемого мира; мы напрямую знаем лишь сознание, поскольку оно само знает и объясняет себя. Постулирование материи, внеположной сознанию, в качестве первичной реальности, – это абстракция, выводящая за пределы достоверного опыта. Известно, что Сэмюэл Джонсон в ответ на солипсический аргумент своего старшего современника епископа Беркли о том, что мир – это лишь наши ощущения, с силой ударил ногой о камень и воскликнул: «Вот как я это опровергаю». Конкретность, твердость, осязаемость, непроницаемость физических объектов – вот причина, по которой большинство людей отвергает идеализм. На это Каструп возражает, что сама осязаемость, непроницаемость и т.д. – это тоже качества нашего опыта, проекция ощущений, которые и знакомят нас с миром. Камень сам по себе, вне наших зрительных и осязательных ощущений, – это пустая абстракция и не имеет никаких качеств [3, с. 131].

Итак, сознание, по Каструпу, есть первичная реальность, которая сама объясняет себя. Тем самым снимается «трудная проблема сознания», как ее назвал австралийский философ Дэвид Чалмерс (Chalmers), – проблема выведения бесспорного, самоочевидного опыта сознания из материального устройства мозга и всего мироздания. Точнее, эта проблема даже не возникает, поскольку сознание выводится из самого себя, это бытийный примитив, не сводимый ни к чему иному.

Идеалистический монизм Каструпа вызывает у меня сильные возражения, поскольку при устранении проблемы сознания встречно возникает «трудная проблема материи»: как вывести ее существование из первичности ментальных структур?¹ Я исхожу из другого философского принципа, который можно обозначить как «*дуомонизм*». Бытие, как лента Мёбиуса, постоянно переворачивается с одной стороны на другую: ментальность оборачивается материальностью (мозг), а материальность – ментальностью (сознание). Лента одна, но ее главное свойство – обратимость. Если на одной стороне ленты написать «ментальность», а на другой – «материя», то, двигаясь вдоль одной стороны, приходим к другой. *Инверсия* лежит в основе универсума как своего рода *инверсума*. *Universum is inversum*.

Инверсия – это не редукция к одному, это именно *двусторонность*, само свойство обратимости как *первичное* по отношению и к материальному, и к ментальному. *Сознание всегда пребывает (находит себя) в мире, в той же степени, в какой мир пребывает (обнаруживает себя) в сознании*. Что общего между этими двумя способами бытия, материальным и ментальным? – Предлог «в», указывающий на взаимовключенность сознания и мира: одно *в* другом. Ср. у Ф. Тютчева: «Всё во мне, и я во всем!» Первично не ментальное или материальное, а сама их способность пребывать друг в друге, обращаться друг в друга. Это не дуализм двух субстанций в декартовском смысле, а *монизм обратимости*, что эмблематически выражено в самом понятии «*универсум*», буквально

---

¹ См. мою полемику с монизмом Каструпа в статье «Всё – из вращения! Ментальность оборачивается материальностью (мозг), а материальность – ментальностью (сознание)» [13].

«единовращение» (от лат. *unus*, один, и *versus*, причастие от глагола *vertere*, вращать/ся). Вращение предполагает наличие по крайней мере двух сторон у того, что вращается.

*Реальность как интерсубъективность.
От сущностей к существам*

Вопреки тривиальному представлению о торжестве материализма в методологии современной науки, на данном витке ее развития мы находимся скорее на *ментальной* стороне ленты Мебиуса. Именно сознание все более обнаруживает свойства онтологического примитива. Природа реальности резко меняется с изобретением новых технологий, способных воспроизводить материальные свойства предметов. Раньше реальное отождествлялось с объективным, доступным для наблюдения и для регистрации приборами. Напротив, субъективное, т.е. сознание, воля, чувства, считались скорее ирреальными, относились к сфере воображения. Однако реальность быстрее всего теряет свою опору именно в области объективного. Между реальным предметом и точной его копией, создаваемой нанотехнологиями на атомарном уровне или средствами трехмерной печати, уже нет никакой принципиальной разницы. Подделка материального объекта неотличима от него самого. Симулякр успешно вытесняет любой оригинал, точнее, отменяет сам статус оригинала. Все предметы в принципе виртуально воспроизводимы. Голография создает полную оптическую иллюзию объекта, а нанотехнологии будущего смогут строить из элементарных частиц точные копии любых объектов, воспроизводя их тактильные свойства, запахи и пр.

И тогда именно субъективное оказывается гораздо более надежной опорой реального. Все можно подделать – только не состояние субъекта, его мысль, волю и желание. Безупречно подделанный предмет – это тот же предмет. Подделанная воля – это уже не воля, а отсутствие таковой. Притворная любовь – это уже не любовь, а всего лишь притворство. Невозможно подделать веру, страх или радость, поскольку они переживаются субъектом изнутри и их подделка означает их отсутствие.

И чем глубже мы погружаемся в области ментального, тем достовернее реальность и меньше риск ее подделки. Самая затаенная мысль реальнее, чем выразившее ее слово («мысль изреченная есть ложь» – Ф. Тютчев). В самом начале только что вышедшего фильма «Я думаю, как всё закончить» Чарли Кауфмана (2020) звучит такая максима: «Иногда мысль ближе к истине, к реальности, чем действие. Вы можете сказать что угодно, сделать что угодно, но вы не можете подделать мысль»¹. Сила разума и воли становится решающей в формировании реальности: то, чего мы хотим, на чем настаиваем, во что верим. «Я» или «мы» своим сознательным усилием определяем то, чему быть, что войдет

---

¹ Это высказывание из одноименного романа канадского писателя Йена Рейда, по которому снят фильм (Iain Reid, *I'm Thinking of Ending Things*, 2016; буквально – «Я думаю об окончании вещей»). Кстати, это заглавие поддается и метафизической интерпретации: если мысль – единственная реальность, то она кладет конец всем вещам.

в наличный состав бытия. Таков один из главных парадоксов современной «материалистической» цивилизации. Именно благодаря новейшим научным технологиям и искусству «симуляции» значение человеческого и даже сугубо личного не падает, а возрастает. Реальность – не «мир как он есть», не «совокупность материальных явлений», не «объективная реальность, данная нам в ощущениях» – такой материализм все больше воспринимается как философский «отстой». Объективное отступает перед субъективным. Уже не «что», а «кто» лежит в основании вещей, так сказать, вещающих, несущих весть, голос, интенцию субъекта.

Конечно, «бритва Оккама» может вторгаться и в область «кто-онтологии», способствуя солипсизму, отсекая все, что расположено за пределом моего «Я» и очерченного им субъективного мира. Однако вернее было бы сказать, что принцип Оккама «Не умножать сущности сверх необходимости» оказывается неприменимым в *кто-онтологии*, поскольку речь идет уже вообще не о *сущностях*, а о *существах*. *Существо* – это особая категория бытия, глубоко отличная от *сущности*, как, впрочем, и от *существования*, – несводимая к эссенциализму и экзистенциализму. Существо «самосущностно» и уникально, оно само задает формы своего существования. Существо – это самодействующее «некто», бытие которого определяется его собственной волей, интенциями, потребностями, автономными по отношению к среде обитания. Существо – то, что может *себя* вести, т.е. быть субъектом желания и действия. Возвратное местоимение «себя» появляется в языке как особая логико-грамматическая категория, центральная для кто-онтологии.

Кто-онтология – гораздо менее развитая область философии, чем что-онтология, поэтому, перенося фокус внимания с сущности на существо, приходится заново выстраивать ряд альтернативных понятий¹. В аксиоматику человеческого опыта входит его соразделенность с другими. Сознание не только всегда *о чем-то* (интенциональность), но и *с кем-то* (адресованность), что запечатлено в самой структуре этого понятия – сознание. Это калька с латинского *conscientia*, что в буквальном переводе означает «совместное знание» (от глагола *conscire* – знать вместе с другим, «со-знать»). Таким образом, реальность все более определяется не просто субъектно, но *интерсубъектно*, как диалогическое отношение между существами, точнее, как реальность другого существа – *внезаходимая воля и внезаходимое желание*. В конце вышеупомянутого фильма «Я думаю, как всё закончить» главный герой принимает Нобелевскую премию за самое фундаментальное свое открытие, которое формулирует-

---

¹ В частности, понятие «кто» сближает онтологию с теологией, поскольку свойство «быть существом» человек разделяет с Богом. Не случайно, что самая принципиальная критика понятия «сущности» пришла из богословия Григория Паламы, различающего непознаваемую сущность (эссенцию) и проявляемую энергию Бога. Сущность извечно предопределена и самотождественна, а энергия – это спонтанное волеизъявление Бога и проявляется как благодать, а в человеке – как свободная воля принять или отвергнуть эту благодать. Энергичная ветвь современного православного богословия развивается более динамично, чем эссенциалистская, во многом благодаря работам Сергея Хоружего [10].

ся так: «Только в таинственных уравнениях любви можно найти какие-либо логические причины». И далее, обращаясь к залу, наполненному всеми персонажами его жизни, памяти и воображения: «Вы – причина того, что я есть. Вы все – мои причины».

Вот это и есть новый критерий реальности – не материальность предмета, а наличие мысли и воли, которая встречает меня извне – другие существа в их обращенности на меня. Моя *хотимость*, *волимость*, *желанность*, *любимость* – или, напротив, *нежеланность*, *неприемлемость*, *отверженность*. Действительность охватывает бытие всех вещей, поскольку они тоже участники и посредники во взаимодействии сознаний. Именно всемогущество техники, овладевающей материальным миром и свободно строящей его из себя, переносит атрибуты первичной реальности в сферу интересубъектного опыта.

Литература

1. *Crick F.* Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for Soul. New York: Charles Scribner's Sons, 1994.
2. *Epstein M.* A Philosophy of the Possible: Modalities in Thought and Culture / Transl. by Vern W. McGee and Marina Eskina. Boston, Leiden et al: Brill Academic Publishers / Rodopi (Value Inquiry Book Series 333), 2019.
3. *Kastrup B.* The Idea of the World: A Multi-Disciplinary Argument for the Mental Nature of Reality. Winchester, UK; Washington, USA: Iff Books, 2019.
4. *Lisi A.G.* Emergence // This Idea Is Brilliant, Lost, Overlooked, and Underappreciated Scientific Concepts Everyone Should Know / Ed. by John Brockman: New York et al. Harper Perennial, 2018. P. 21–22.
5. *Барнз Дж.* Демокрит // Канто-Спербер М., Барнз Дж., Бриссон Л., Брюнсвиг Ж., Властос Г. Греческая философия. В 2 т. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006.
6. *Валери П.* Эстетическая бесконечность: Эссе / Пер. с франц. М. Таймановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
7. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.
8. *Ллойд С.* Программируя Вселенную. Квантовый компьютер и будущее науки. М.: АНФ, 2013.
9. The Scientist as Believer (Francis Collins interviewed by J. Horgan) // National Geographic Magazine. February 2009. URL: <http://inters.org/Collins-Scientist-Believer>.
10. *Хоружий С.С.* Очерки синергической антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
11. *Эпштейн М. Н.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
12. *Эпштейн М.Н.* От анализа к синтезу. О призвании философии в XXI веке // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 52–63.
13. *Эпштейн М.Н.* Всё – из вращения! Ментальность оборачивается материальностью (мозг), а материальность – ментальностью (сознание) // Независимая газета (Приложение «Наука»). 2019, 8 октября. С. 9, 12.
14. *Эпштейн М.Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

15. Эпштейн М.Н. *Философия возможного*. СПб.: Алетея, 2001.

Epshtein, Mikhail N. *Occam's razor and axiomatics of human experience. The problem of reduction/proliferation of entities in the contemporary context*

References

1. Crick, F. (1994), *Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for Soul*, Charles Scribner's Sons, New York.
2. Epstein, M. (2019), *A Philosophy of the Possible: Modalities in Thought and Culture*, transl. by Vern W. McGee and M. Eskina, Brill Academic Publishers / Rodopi (Value Inquiry Book Series 333), Boston/Leiden.
3. Kastrup, B. (2019), *The Idea of the World: A Multi-Disciplinary Argument for the Mental Nature of Reality*, Iff Books, Winchester, UK; Washington, USA.
4. Lisi, A.G. (2018), Emergence, in: Brockman, J. (ed.), *This Idea Is Brilliant. Lost, Overlooked, and Underappreciated Scientific Concepts Everyone Should Know*, Harper Perennial, New York et al., pp. 21–22.
5. Barnes, J. (2006), Demokrit [Democritus], in: Canto-Sperber, M., Barnes, J., Brisson, L., Brunschwig, J., and Vlastos, G., *Grecheskaya filosofiya* [Greek philosophy], in 2 vols, vol. 1, Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina, Moscow.
6. Valéry, P. (2020), *Esteticheskaya beskonechnost': Esse* [Aesthetic infinity: Essays], Taymanova, M. (transl.), KoLibri, Azbuka-Attikus, Moscow.
7. Kant, I. (1999), *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], Nauka, Moscow.
8. Lloyd, S. (2013), *Programmiruyaya Vselennuyu. Kvantovyy komp'yuter i budushcheye nauki* [Programming the Universe: A Quantum Computer Scientist Takes on the Cosmos], ANF, Moscow.
9. The Scientist as Believer (Francis Collins interviewed by J. Horgan) (2009), in: *National Geographic Magazine*, February, URL: <http://inters.org/Collins-Scientist-Believer>.
10. Khoruzhiy, S.S. (2005), *Ocherki sinergiyonoy antropologii* [Essays on Synergistic Anthropology], Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, Moscow.
11. Epshtein, M.N. (2004), *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk* [Space mark. About the future of the humanities], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow.
12. Epshtein, M.N. (2019), Ot analiza k sintezu. O prizvanii filosofii v XXI veke [From analysis to synthesis. On the vocation of philosophy in the 21st century], in: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 7, pp. 52–63.
13. Epshtein, M.N. (2019), Vsyo – iz vrashcheniya! Mental'nost' oborachivayetsya material'nost'yu (mozg), a material'nost' – mental'nost'yu (soznaniye) [Everything is from rotation! Mentality turns into materiality (brain), and materiality turns into mentality (consciousness)], in *Nezavisimaya gazeta (Prilozheniye "Nauka")* [Independent Newspaper (Appendix "Science")], October 8, pp. 9, 12.
14. Epshtein, M.N. (2016), *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnyye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg.
15. Epshtein, M.N. (2001), *Filosofiya vozmozhnogo* [The philosophy of the possible], Aleteia, St. Petersburg.